

СТАНИСЛАВ РЫЛОВ

Россия, Нижний Новгород

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ (НА ФОНЕ ЧЕШСКОГО СИНТАКСИСА)

АБСТРАКТ:

Current tendencies of change in Russian syntax (in comparison with Czech syntax)

Democratization of the Russian society in the last three decades, many social and psychological factors are indirectly reflected in language and speech. It is the Russian language that is ahead of other Slavic languages in terms of pace and scope of dynamics. Although syntax is highly resistant to extralinguistic factors, it is greatly responsive to them. The consequence of this is a mass entry of syntactic constructions that violate the traditional syntactic norm into speech usage, as well as the emergence of new phenomena in syntax that require analysis and evaluation. The aim of the paper is to identify the most active changes in the syntax of modern Russian speech against the background of Czech syntax, to define their nature, to discover the manifestation of the main trends of development. The objects of the research are new syntactic phenomena in the structure of word combinations and simple sentences, which are often revealed in Russian speech in the first decades of the XXI century. The material for the study involved texts published in modern Russian periodicals, as well as facts recorded by the author in radio and television broadcasts of the last decade; Czech periodicals were partially involved. The most active changes are analyzed: transposition, expansion of prepositions in subordinate phrases, simplification of the structure of a simple sentence, segmentation, compression, topicalization of the necessary part of the statement, parcelling, innovative changes in the functioning of nonagentive constructions. The revealed changes prove the manifestation of the main tendencies: “democratization” of the Russian syntax, the tendency to develop a new syncretism, the tendency to strengthen analytism.

KEY WORDS:

Modern Russian language – Czech language – syntax – innovations – word combination – simple sentence – “democratization” of syntax – syncretism – analytism.

Бурные изменения в российском обществе в конце XX – начале XXI веков, вызванные перестройкой и постперестроечным периодом, социальные и психологические факторы первых десятилетий XXI века оказали значительное влияние на особенности русского языка, на речевое поведение его носителей, что отмечается многими исследователями [Гловинская 2000: 237–238; Земская 2000: 12–14; Крысин 2008: 13–14; Сиротинина 2017: 10–11; и др.]. Демократизация общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, «открытость» в области экономики, политики, культуры, в человеческих отношениях – все это опосредованно отражается в языке и речи. Раскованность, раскрепощённость говорящего действует на все механизмы языка [Земская 2000: 14]. Показательно, что именно русский язык, в сравнении с другими славянскими языками, «на многих аналогичных развивающихся участках языка опережает по темпам и размаху эволюции другие славянские языки» [Гловинская 2008: 188].

Обычно считается, что изменения в синтаксисе очень медленные и сам синтаксис отличается наибольшей устойчивостью по отношению к воздействию экстралингвистических факторов [Крысин 2010: 200]. Однако по сравнению с морфологией синтаксис реагирует на социальные изменения намного активнее. Вследствие воздействия социальных факторов на синтаксический строй происходит «смягчение» литературной нормы, допущение в литературный речевой оборот синтаксических конструкций, которые до недавнего времени считались нелитературными или вообще не встречались. Результаты такого влияния нередко оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, «но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания» [Крысин 2010: 200]. Важный результат действия разных факторов на синтаксис – *массовое* вхождение в литературно-речевой обиход *инноваций*, т.е. новых явлений в синтаксисе, которые вызывают необходимость их анализа и оценки как с позиций нормы, так и с точки зрения их социальной обусловленности [Крысин 2008: 15]. К сожалению, в русистике фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе современного русского языка. В работах разных учёных даются в основном частные наблюдения над отдельными синтаксическими явлениями и речевыми ошибками в СМИ. Весьма

актуальным при этом является сопоставительный подход: насколько велик размах изменений в русском синтаксисе на фоне чешского языка? Несомненно, оказывается важным и лингводидактический аспект: в процессе обучения русскому языку, в том числе и как иностранному, нельзя не учитывать инновационные изменения и их тенденции в синтаксисе современного русского языка [Vysloužilová 2005: 125].

Цель настоящего исследования – выявить наиболее активные синтаксические изменения в современной русской речи на фоне чешского синтаксиса, установить их характер, уловить в них проявление основных тенденций развития русского синтаксиса. Под **тенденцией развития** понимается «накопление однотипных фактов в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим» [Гловинская 2000: 238]. По нашему мнению, это общее направление качественных изменений однотипных синтаксических явлений, которые носят массовый характер на протяжении длительного времени. Когда новые синтаксические явления не единичны, а регулярно употребляются в письменной и устной речи, когда подобные факты обнаруживают однотипность, когда они имеют однонаправленный характер на протяжении длительного времени, то может быть установлена некоторая общая линия изменений. Это свидетельствует о наличии определённой *тенденции* развития.

Предметом изучения и анализа в работе стали новые синтаксические явления в структуре словосочетания и простого предложения, возникшие в русской речи в конце XX – начале XXI веков и активно и регулярно проявляющиеся в современной русской публицистической и разговорной речи. Именно публицистический стиль имеет высокую социальную значимость, ему принадлежит ведущая роль в стилевой структуре современного русского литературного языка и его реальном функционировании. Как отмечается в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», «по силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он превосходит художественную речь. Особенно велика роль в этих процессах СМИ. Многие новые средства литературного выражения рождаются и проходят апробацию сначала в публицистическом стиле» [СЭСРЯ 2003: 314–315].

Материалом для наблюдений и анализа послужили: а) газетные тексты, опубликованные в российских периодических изданиях последнего десятилетия (Российская газета – далее сокращенно РГ, Аргументы и факты – АиФ, Комсомольская правда – КП, Новая газета – НГ, Нижегородская правда – НП, Нижегородские новости – НН, Ленинская смена – ЛС, Нижегородский спорт – НС, Нижегородский университет – НУ);

б) российская радио- и телеречь (Радио России; ТВ, 1-й канал; ТВ, Россия-1; канал НТВ); в) разговорная речь (РР); г) частично привлекалась чешская периодика последнего десятилетия (Lidové noviny – LN, Mladá fronta DNES – MF, Právo – P, Hospodářské Noviny – HN, Blesk – B, Sport magazín – SM, Týden). Материал, который был собран самим автором, подробно паспортизован: точная дата, указание издания, жанра передачи, кому принадлежит высказывание.

Анализ показывает, что самые активные инновационные изменения наблюдаются в структуре словосочетания. Это связано, во-первых, со сложной синкретичной природой словосочетания, которое «оказывается феноменом лексико-морфолого-синтаксическим» [Головин 1994: 75]; во-вторых, с тем, что словосочетание – номинативная единица, она строится на базе лексико-семантического наполнения слов, и в этом её близость к слову, а лексика – самый подвижный уровень языка. Наиболее заметные инновационные сдвиги происходят в словосочетаниях *с управлением*. Отметим самые распространенные изменения.

А. Транспозиция – это такое преобразование в структуре словосочетания «существительное – (предлог) – существительное», когда в результате смещения значения происходит разрушение связи *управления* и развитие связи *согласования*, что приводит к образованию инновационной модели словосочетания с согласованием «прилагательное – имя существительное». При этом наблюдается семантическое расширение двучленного словосочетания, в котором имя существительное выражает родовое понятие, а прилагательное – видовое. Такого рода единичные факты наблюдались в русской речи и ранее, ср.: *земли под пахоту* – *пахотные земли*, *центр по продаже компьютеров* – *компьютерный центр*. Однако в настоящее время транспозиция стала массовым явлением, широко распространилась и в СМИ, и в разговорной речи. Вот несколько показательных примеров из периодической печати, ср. пр.:

*У нас уже начался эксперимент по так называемой **бережливой поликлинике**. «Бережливой» не в смысле сбережения имущества и денежных средств, а сбережения как раз здоровья и времени тех, кто пользуется услугами этих поликлиник [АиФ, №10, 7–13.03.2018]; Традиционная любительская **биатлонная эстафета** пройдёт ... 22 февраля (вместо: эстафета в биатлоне) [НН, 14.02.2018]; Две **нижегородские медали** (вместо: Две медали нижегородцев) [НН, 21.02.2018, заголовок]; Размеры «Сармата» позволяют размещать его в уже существующих **шахтных пусковых установках** (вместо: пусковых установках в шахтах) [АиФ, №10, 7–13.03.2018]; Рождественские Святки – это двенадцатидневный период Святых дней ..., **Святочный период** начался 7 января (вместо:*

период Святки) [НН, 10.01.2018]; *В Москве – пасхальная звональная программа* (вместо: программа колокольных звонов) [Радио России, 22.03.2018]; *В следующем часе будем говорить о сексуальных педагогах* (вместо: педагогах в области сексуальных отношений) [Радио России, 26.03.2019 – ведущий передачи «Передаём сигналы точного времени»]; *топливный рынок* (вместо: рынок топлива) [Радио России, «Вести», 26.03.2019]; *ценовая политика* (вместо: политика в области ценообразования) [Радио России, «Вести – НН», 26.03.2019]; *ландшафтный архитектор* (вместо: архитектор в области ландшафта) [Радио России, 13.07.2019, «Хорошее начало»].

Так возникает и широко распространяется в современной русской речи последних десятилетий инновационная модель словосочетания с согласованием, что обусловлено прежде всего стремлением к экономии языковых средств в непринуждённой речи. Интересно, что аналогичная модель «прилагательное – имя существительное» типична для чешского литературного языка, разговорной речи и представляет собой важную типологическую особенность в сравнении с русским языком, ср. пр.:

roční období ~ времена года, jízdní řád ~ расписание поездов, osobní průkaz ~ удостоверение личности, krasobruslařské prvky ~ элементы фигурного катания, ср. примеры из чешской периодической печати: *volební lídr* [MF, 20.08.2018], *sídlíštní zastávka* [MF, 20.08.2018], *bankovní daň* [НН, 07.05.2019], *modlitební praporeky* [SM, 22.06.2012].

Примечательно также зафиксированное автором словосочетание данной модели в рекламном объявлении в г. Оломоуце: *hodinový manžel* в отличие от русского «муж на час», ср. также *hodinový hotel* – «*hotel pronajímající pokoje na hodinu*» [LINGEA 2011: 202].

Б. Экспансия предложных структур

Процесс вытеснения беспредложных подчинительных словосочетаний предложными структурами в русском языке наблюдался на протяжении всего XX века. В научных работах приводятся многочисленные примеры подобных замен. Но особенно активно происходит данный процесс с конца XX века, при этом предложные конструкции оцениваются прежде всего как ошибки [Гловинская 2000: 251–261]. Наши наблюдения показывают, что экспансия предложных структур нередко вместо беспредложных в настоящее время – живой процесс, чрезвычайно широко представленный в XXI веке и в языке СМИ, и в разговорной речи. На наших глазах острота ошибки в заменах падежных

конструкций предложными стирается, формируются словосочетания с новым управлением:

а) модели **О + предложный падеж** при глаголах или существительных типа:

показывать О (вместо: *показывать что*), **утверждать О** (вместо: *утверждать что*), **убеждать О** (вместо: *убеждать в чём*), **программа О** (вместо: *программа чего*), **факты О** (вместо: *факты чего*).

Интересно, что такие случаи типичны даже в речи образованных людей, ученых, деятелей культуры, юристов, журналистов и т.д.:

дела покажут о том, какие отношения будут между Украиной и Россией [Радио России, 22.04.2019 – преподаватель МГИМО в передаче «Актуально»]; *Молодые супруги не понимают о том, что они наносят травму друг другу* [Радио России, 13.06.2019 – ведущая О. Максимова в передаче «Вечерняя смена»]; *Интересно о том, что студенты не представляют всей сложности...* [Радио России, 19.08.2019 – ведущий в передаче «Вечерняя смена»]; *Квалификация как раз подтверждает об этом* [Радио России, 13.04.2019 – спортивный обозреватель в передаче «Итоги дня»]; *Дзюба разворачивался спиной и старался отдать кому-либо мяч. Это показывает о том, что Дзюба устал* [ТВ – Матч, 11.06.2019 – интервью футболиста Аршавина]; *Материалы указывают о том, что участники были осведомлены...* [ТВ, Россия – 1, 09.04.2018 – «Вести», представитель генпрокуратуры]; *Будем молиться о ней* [ТВ, 1-ый канал, 25.03.2018 – Татьяна Тарасова о фигуристке Алине Загитовой].

По мнению О. Б. Сиротининой, господство в современной русской речи предложного падежа с предлогом **о** – это «своеобразный результат диффузии как упрощения» [Сиротинина 2017: 12–13]. Данное явление, по всей вероятности, можно рассматривать и как проявление развития синкретизма синтаксических структур.

б) Это высокочастотная в медиаречи модель **ПО + дательный падеж**, ср. пр.: *отделение по общему розыску, рабочая группа по контролю за реализацией; лаборатория по электротехнике*. В языке СМИ, в речи представителей органов власти, образования, науки, культуры, в устных выступлениях политиков, финансистов, бизнесменов конструкция с предлогом **по** весьма частотна, причем предлог **по** развивается в современной русской речи чрезвычайно широкую семантику, ср. пр.:

В рамках визита состоялось заседание оперативной рабочей группы по контролю за реализацией мероприятий по завершению строительства ... стадионов к чемпионату мира по футболу – 2018 в России [НН,

10.01.2018]; *К примеру, государственная политика по развитию цифровизации во многом основывается на компетенциях саровских специалистов. Та же программа по внедрению «Карты жителя Нижегородской области разрабатывается в Сарове»* [НП, №17, 07.03.2018]; *молодёжные проекты по социальным инновациям* [НУ, 2018, №1]; *работа службы по подбору персонала* [НУ, 2018, №1]; *магистрант по направлению подготовки «Управление персоналом»* [НУ, 2018, №1]; *переговоры по Сирии* [Радио России, 05.05.2018]; *Была ограниченная загрузка по зрителям* [Радио России, 16.04.2018 – передача «Стадион»]; *Хочется спросить по новому футбольному турниру* [Радио России, 06.08.2019 – ведущий спортивной передачи спрашивает у тренера].

По мнению М. Я. Гловинской, конструкция с предлогом **по** – это результат компрессии текста. В настоящее время модель **по + дательный падеж** так окрепла, что «речь идёт не столько о замене конкретных словосочетаний, сколько о появлении новых словосочетаний с **по**, функционально эквивалентных или близких тем конструкциям, на которые распространяется его экспансия» [Гловинская 2000: 249].

Предлоги **о**, **по** в подобных словосочетаниях часто оказываются семантически не мотивированной простой прокладкой между словами, знаками синтаксических отношений. Несомненно, что рассмотренные инновационные изменения в структуре и функционировании словосочетаний: транспозиция, экспансия предложных структур в беспредложных словосочетаниях, ослабление падежных функций, усиление предложно-падежного управления в подчинительных словосочетаниях – представляют собой проявление тенденции развития от синтетизма к аналитизму синтаксических структур в русской речи.

Что касается чешского языка, то хорошо известно, что и здесь возможны варианты подчинительных словосочетаний как с предложным, так и с беспредложным управлением, например: **myslit na** + Ak. / **myslit si o** + Lok. / **myslit** + Ak. (*myslit to vážně, myslím si, že je chytrý*); **čekat na** + Ak. / **čekat** + Ak. (*čeká otázky utipné*). Однако употребление таких вариантов в речи обусловлено семантически или стилистически. О случаях же, подобных русским структурам, когда чешская предложная конструкция заменяет соответствующую беспредложную и предлог становится простой асемантической прокладкой, автору – как «русскому пользователю» чешской речи (в основном в письменном варианте) – говорить затруднительно. Можно только высказать предположение, что именно за счет живого процесса экспансии предложных структур современный русский синтаксис в большей степени, чем чешский, тяготеет к аналитизму. Между тем, надо иметь в виду, что «чешские

предлоги на самом деле представляют собой невероятно интересную и богатую палитру, но их употребление принадлежит, к сожалению, к наименее исследованным областям» (авторский перевод оригинала: «české předložky nabízejí skutečně neuvěřitelně zajímavou a bohatou paletu případů, jejich užití však patří, bohužel, k nejméně probádaným oblastem» [Hrdlička 2013: 108]).

В последние десятилетия наблюдаются активные инновационные изменения в структуре и функционировании главной синтетической единицы – предложения. Ограничимся в настоящей работе рассмотрением процессов в **простом предложении** (ПП). В качестве общей тенденции изменений следует отметить **упрощение** структуры ПП. Это упрощение заметно прежде всего в *количественном* плане. Как показывают наши исследования, протяженность грамматической структуры (средняя длина) ПП с XII по XX вв. в русском языке постоянно увеличивалась с трех до четырнадцати грамматических элементов (ГЭ), т.е. членов предложения как структурных элементов ПП (тем самым становится возможным представить протяженность предложения в речи с опорой не столько на форму, сколько на синтаксическую *семантику* предложения). Однако в последние десятилетия она уменьшается. Эта тенденция прослеживается на материале разных европейских языков, в том числе славянских, что является, по-видимому, результатом сближения письменной речи с устной, для которой характерны очень короткие простые высказывания из одного – двух – трёх – четырёх грамматических элементов. Вместе с тем, нами установлено, что для русской газетно-публицистической речи, по ср. с чешской, характерна *большая* развернутость структуры ПП: средняя длина ПП в русских публицистических текстах **6,22** ГЭ, в чешских – в среднем на целую позицию меньше: **5,22** ГЭ. Эти данные получены в ходе сплошного синтаксического обследования текстовых выборок объемом по 1043 ПП из русских и чешских газетно-публицистических текстов, опубликованных в современных российских и чешских периодических изданиях 2008–2011 гг., и представлены автором в докладе на международной научной конференции «XXI Olomoucké dny rusistů» [Рылов 2011: 256–258]. Упрощение структуры ПП проявляется и в *качественном* отношении: в современной русской речи при построении ПП наблюдается стремление к усечению, сжатию, свободному конструированию его структуры. В чешских публицистических текстах по ср. с русскими обнаруживается *большая* «прозрачность» синтагматической формы ПП, *большая* лаконичность – за счет активного использования очень коротких ПП (из 2–3–4-х ГЭ); более экспрес-

сивный характер построения высказывания, при котором проявляется живость, движение мысли, ср.:

Centra vědců v Brně jsou fajn, jen je musíte udržet (MF, 16.09.2015); *Už je to tak: volby ničí americký fotbal. A porážejí i Hollywood* [MF, 02.11.2016]; *Kovář se změnil i lidsky. Je rozumnější, vyzrál. Je jedním z mála hráčů střední generace* [MF, 02.11.2016]; *Doba Václava Havla je bohužel nenávratně pryč. Havel byl dějinná anomálie, které se občas vyskytují. České «my» (bráno ve smyslu většiny), to není Havel, nyní je to Babiš* [HN, 07.05.2019]; *Jednou bych chtěla být babičkou. Plánuji si to idealisticky. Nějakou dobu bych ještě učila v Plzni. Pak šla do tvůrčí penze. Starat se o vnoučata a u toho něco dělat. Myslím si, že člověk má umět odejít* [MF, 11.05.2019].

Нами выявлены важнейшие качественные изменения в структуре простого высказывания.

1. Сегментация. Это расчленение высказывания на две части, противопоставленные друг другу формально, но связанные семантически. В результате возникает разрыв структуры ПП на две части: **тема – повод.** При этом обе части представляются как равноправные, несмотря на то что одна из них логически зависит от другой. Сегментация широко представлена в современной русской публицистической и разговорной речи:

Италия выбирает новый парламент. | Берлускони возвращается? [РГ, 05.03.2018]; *Скорректированы нормы провоза багажа. | На пять сантиметров больше* [РГ, 01.03.2018]; *Тыквы ... | Чем не украшение?* [НП, 21.02.2018]; *Лето – прекрасная пора. | И не только для отдыха* [НП, 26.06.2019].

Гораздо реже встречается сегментация в современной чешской речи, например:

Normalizační děkan nechápal, proč by egyptologové měli vyházovat peníze do písku. Ze dne na den jsme skončili. | Naštěstí jen dočasně [MF, 26.01.2019]; *Žánrově jde o psychologickou prózu s prvky thrilleru a detektivky. | Jenže pouze v první a poslední čtvrtině* [MF, 11.05.2019]; *Janské Lázně neumírají. | Naopak* [LN, 07.09.2019].

2. Актуализация – структурное выделение актуальной части высказывания, главным образом вынесение её в начало высказывания, причем произнесение её сопровождается особой интонацией – ожидающе-задумчивой. В результате возникает явление синтаксического «излома». Такие синтаксические конструкции характеризуются высокой экспрессивностью, ср. пр.:

Это вечная тема – интеллигенция и власть [РГ, №44, 01.03.2018]; *Политика – это тот же театр* [АиФ, №21, 2009]. *Инсульт – это не конец нормальной жизни!* [РГ, №54, 15.03.2018]; *Готовить всей семьей – это увлекательно и вкусно!* [НП, 17.01.2018]; *Традиция – это ведь не консервы в банке. Почему же мы не можем внести в песню что-то своё, разумеется, с уважением к корням?* [НП, 21.02.2018].

Особенно широко распространена актуализация в устной речи, где своеобразным «мостиком» между двумя частями высказывания (актуальной и раскрывающей её содержание) оказывается местоимение **он**, ср. пр.:

Рубль – он по сути сегодня полностью конвертируемая валюта [Радио России, «Вести», 25.05.2018 – В. Путин]; *Я думаю, вот этот тренд – его можно заменить* [Радио России, «Пятидневка», 09.04.2018 – ведущий радиопередачи]; *Все, кто работает с детьми, – они без души не могут относиться к своему делу* [Радио России, «Пятидневка», 17.04.2018]; *Слоны – у них жизнь немного другая* [Радио России, «О животных с Иваном Затевахиным», 06.05.2018]; *Закон – он прежде всего даст средства в бюджет* [Радио России, «Вести», 09.04.2019 – спикер Государственной Думы Володин]; *Заявления, которые звучат сейчас из Киева, – они очень противоречивы* [ТВ, «Вести в субботу», 01.06.2019 – премьер-министр Д. Медведев]; *Вот эта ситуация – она и провоцировала конфликты* [Радио России, «Российский университет», 09.04.2019].

В чешской публицистической речи актуализированные синтаксические конструкции малоупотребительны, они представлены главным образом в заголовках статей, ср. пр.:

Rekord! Ani Jágr tak netáhl [MF, 20.10.2009]; *Krušné časy. Chřadnoucím Žabinám pomůže Horáková* [MF, 16.09.2015]; *Nová role? Je to pro mě práce snů* [P, 15.06.2019]; *Toulava? Ráj pro pěší turisty* [MF, 23.05.2019]; *Dokonalá sezona, Slavia slaví double* [LN, 23.05.2019].

Иногда явление актуализации наблюдается и в чешской публицистической речи, репрезентирующей прямую разговорную речь, например, в беседе журналиста с известным чешским хоккеистом В. Недоростом, где актуализация получает специфическое синтаксическое выражение:

Ono je těžký, když jste třicetkrát za kariéru na tři měsíce vyautovaní a nemůžete trénovat. [P, 15.06.19].

По всей вероятности, актуализация гораздо шире распространена в чешской устной разговорной речи, однако это требует специального исследования.

3. Компрессия – сжатие, «стяжение» в одно слово (словосочетание) нескольких слов (иногда и части предложения), ср. пр.:

*Начались экстренные созвоны Трампа с Меркель и Макроном [ТВ, Россия-1, 03.03.2018, ведущий передачи «Вести в субботу» С.Брилев] – вместо: телефонные переговоры; Золотой кубок – главное сокровище КХЛ. Предполагается, что именно **сшибка** «Торпедо» и «Локо» должна получиться самой упорной по всем четвертьфиналам Западной конференции [АиФ, №10, 13.03.2018] – вместо: хоккейный матч, насыщенный упорной, жесткой борьбой, столкновениями; Экс-нижегородка, ныне успешная актриса и режиссер Лариса Маркина, готова поделиться наиболее сильнодействующими рецептами **сбьчи мечт**, проверенными на личном опыте [НН, 10.01.2018] – вместо: того, как сбываются мечты.*

Компрессия в чешской публицистической речи, как и в русской, носит спорадический характер и возникает под влиянием разговорной речи, для которой характерны стремление к экономии языковых средств, их сжатию в речевых структурах. Приведем некоторые интересные примеры, выявленные в чешской публицистической речи:

*Když jste se stal vrchním žalobcem, byly do vás ukládány velké naděje. Proč myslíte, že jste dnes pro většinu národa «**zametač kauz**»? [Týden, č. 28/2012, «Rozhovor týdne» – из беседы журналиста и В. Рампулы]: **zametač** от глагола *zametat* – ‘подметать’; в ответе г-на В. Рампулы раскрывается смысл компрессии: *Neuvzpomínám si, ... že bych měl za úkol **očistit státní zastupitelství**. To jsou slova, která zaznívají až v této době; Krásné **souznění**. Tak Rampula nazývá vztahy bývalého ministra spravedlivosti Jiřího Pospíšila s lidmi z ČSSD, kteří prý chtějí ovládnout justici* [Týden, č. 28/2012] – ср. значение в словаре *souladné znění* – přen.: ‘взаємная shoda’ [LINGEA 2011: 274].*

4. Парцелляция – дробление исходного ПП на мелкие актуализированные части высказывания (парцеллы) и их «нанизывание» на исходное ПП. Каждый парцеллированный фрагмент внутренне предцировано и может быть развернут в самостоятельное предложение, ср. пр.:

*Союз Беларусь – Россия составил свой рейтинг «самых-самых». **Спортсменки. Красавицы. Наши**. [РГ, №44, 01.03.2018]; МОК восстановил в правах Олимпийский комитет России. **Наконец-то**. [РГ, №44, 01.03.2018]; А впрочем, плей-офф есть плей-офф, здесь любой соперник опасен и грозен. **Однако не страшен. Тем более таким бойцам, как у Скудры** [НС, №8, 28.02. – 06.03.2018; Скудра – главный тренер команды «Торпедо»]; В Татарстане увольняемых работников Ford Sollers построятся трудоустроить на соседние предприятия. **На новое шасси**. [РГ, регион. приложение, №71, 02.04.2019]; ... ответ на то, что с нами происходит, нужно искать прежде всего в наших головах. **В коллективном***

человеке. И, конечно же, в нашей истории, которая часто идёт по кругу [РГ, №71, 02.04.2019]; С приходом тепла и удлинением светового дня изменения происходят в организме каждого из нас. **Иногда совсем не очевидным образом. Вот, например, самые яркие весенние трансформации человека.** [КП, №18, 02–08.05.2019].

Аналогичное явление парцелляции довольно встречается и в современной чешской публицистической речи. Вот несколько примеров:

*Přitom musel «Big Nedo» nedávno zatraceně bojovat, aby unikl smrti: **Zlověstný nález. Operace Léčba. Čekání na dobré zprávy.*** [MF, 24.09.2016]; *Oblékat se do dresu brněnské Komety je pro jejího útočníka Jana Hrušku zcela odlišné než strojit se na zápas v jiných týmech, jimiž prošel. **V Kometě je to pocta. Hrdost, že můžu nosit znak tohoto klubu, být součástí mančafu z mého rodného města. O to je pro mě hrani za Kometu cennější*** [MF, 31.08.2018]; *Spisovatelka Viktorie Hanišová (1980) vyslala za čtenářem třetí prozu, které dominuje ženská hrdinka. **Jenže jaká hrdinka: neúplná, rozbitá, zoufale hledající. A nakonec nacházející. Jednou vztah k adoptované dceři, podruhé k vlastnímu otci – a potřeťi?*** [MF, 11.05.2019]. *S protézou otevírám dveře, plavu, řídím auto, všechno zvládám. **Musím. Jen při pozdravu podávám levou ruku*** [MF, 07.09.2019].

5. Неагентивность как активный инновационный процесс в современной русской речи. Это процесс, проявляющийся в значительном расширении сферы применения – вместо *личных* конструкций – *неагентивных*: безличных и пассивно-возвратных. Особенно примечательно то, что в тех ситуациях, когда по логике необходимо «присутствие» агенса, в речи возникают безличные или пассивно-возвратные структуры, выражающие бессубъектность или же представляющие действие (состояние) как происходящее помимо воли самого субъекта. Действительно, русский язык предоставляет говорящему массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Речь идет о различных способах такой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного предложения типа *Мне хочется* – активному *Я хочу*, *Мне не верится* – личному *Я не верю*. Это выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной. Неагентивные конструкции широко представлены в современном русском языке: и в медиаречи, и в разговорной речи, ср. пр.:

Хочется верить**, что строительство сухогрузов подобного типа **будет продолжено [ТВ, Россия-1, «Вести Приволжья», 20.04.2018]; ***Спето** действительно на высоком уровне* [ТВ, 1-ый канал, «Один в один», 09.03.2019]; *Девушка выросла, вот только ее внутренний мир оставал-*

ся на уровне **заложенной** мамой маленькой девочки. **Ожидаемо**, что с годами красивая девушка стала пользоваться большим успехом у мужчин [АиФ, №16, 18–24.04.2018]; ... получается компактный, понятный спектакль, который **смотрится** очень хорошо [НП, 21.02.2018]; Собакам нужна горячая пища. А вот сладкое **запрещено**. Кстати, одним собакам **работается** на сытый желудок, другим на голодный, а кому-то это неважно [НП, 27.12.2017]; До смешного **доходило!** Самое лакомое за общим столом **должно доставаться** только ей. Это она аргументировала просто: Люсе **должно быть вкусно**. [АиФ, №16, 2018]; С сигаретой **было поступлено** абсолютно несправедливо [Media forum 4yva4ka, 11.5. 2008].

Итак, можно видеть, насколько многообразны, сложны, разнонаправлены инновационные изменения, происходящие в структуре и функционировании словосочетания и простого предложения в русском языке за последние два десятилетия.

Проведённый анализ позволяет выделить важнейшие *общие тенденции* изменений в русском синтаксисе, которые проявляются – на фоне чешского языка – более широко и многообразно.

1. Тенденция демократизации современного русского синтаксиса. Такие процессы, как экспансия предложных структур, сегментация, актуализация структуры ПП, компрессия, парцелляция, предпочтение в речи коротких неразвернутых ПП – всё это как результирующая сила и приводит к «синтаксической свободе», непринужденности русского синтаксиса.

2. В современном русском языке вновь наблюдается **тенденция к развитию синтаксического синкретизма**, но, в отличие от древнего синкретизма, на новом уровне – ментальном. Многие рассмотренные изменения (транспозиция, диффузность, неотчетливость семантики в новых предложных структурах, компрессия, парцелляция) свидетельствуют о недифференцированности имплицитных смысловых отношений, о неупорядоченности или необязательности форм выражения семантических отношений. Так общим принципом организации синтаксических структур становится превалирование *семантического* плана высказывания над его формальным планом.

3. В русском синтаксисе заметна **тенденция развития от синтетизма к аналитизму**, которую представляют такие синтаксические изменения, как транспозиция, экспансия предложных структур в беспредложных словосочетаниях, ослабление падежных функций, усиление предложно-падежного управления в подчинительных словосочетаниях.

Полученные в работе результаты, несомненно, должны найти практическое применение в лингводидактике, в том числе в преподавании в чешской среде русского языка как иностранного.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (2008): Активные процессы в грамматике. In: *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, с. 187–267.
- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (2000): Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). In: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 237–304.
- ГОЛОВИН, Б. Н. (1994): *Основы теории синтаксиса современного русского языка*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (2000): Введение. In: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 9–31.
- КРЫСИН, Л. П. (2008): Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века. In: *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, с. 13–29.
- КРЫСИН, Л. П. (2010): Об одном типе нарушений синтаксической нормы. In: *Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН*. Москва: Языки славянских культур, с. 200–204.
- РЫЛОВ, С. А. (2011): Синтагматическая организация простого предложения-высказывания в сопоставлении с чешским. In: *Rossica Olomucensia L. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů – 07.09–09.09.2011*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, s. 255–259.
- СИРОТИНИНА, О. Б. (2017): От чего зависит эффективность коммуникации? In: *Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Издательство Саратовского университета. Вып. 17, с. 5–17.
- СЭСРЯ (2003): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука.
- HRDLIČKA, M. (2013): *Bohemistické miniatury*. Praha: Univerzita Karlova.
- LINGEA (2011): *Slovník současné češtiny*. Brno: Lingea s.r.o.
- VYSLOUŽILOVÁ, E. (2005): Aktivní procesy v morfologickém systému ruštiny (lingvodidaktický přístup). In: *Rossica Olomoucensia XLIII (za rok 2004)*. Ročenka katedry slavistiky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého. Olomouc, s. 125–130.

Профиль автора:

Станислав Александрович Рылов, кандидат филологических наук, доцент
Научные интересы: синтаксис русского языка в синхронии и диахронии, тенденции развития структуры простого предложения, чешский язык в сопоставлении с русским, преподавание чешского языка как иностранного в русской среде
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Институт филологии и журналистики
Нижний Новгород
ул. Большая Покровская, 37
603 000, Россия
www.unn.ru
standap46@mail.ru